

Дениева Макка Балаудиновна

начальник научно-исследовательского отдела
Чеченского государственного
педагогического института

Дикиева Петимат Эльбековна

преподаватель кафедры истории
Чеченского государственного
педагогического института

**«БОЛЬШОЙ ТЕРРОР»
В ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 30-Х ГГ. XX В.**

Аннотация:

Статья посвящена изучению трагических последствий сталинской репрессивной политики «Большого террора» в Чечено-Ингушской АССР. В 1937–1938 гг. и здесь в «жернова карательной машины» тоталитарного режима попали руководители партийных и советских органов республики, известные деятели культуры, науки, инженерно-технические работники. Таким образом, была уничтожена значительная часть политической элиты, национальной интеллигенции, руководителей крупных промышленных предприятий. Не менее тяжелая участь постигла и многих видных представителей мусульманского духовенства республики, зажиточных крестьян. Эти страницы истории советской Чечено-Ингушетии до настоящего времени остаются малоизученными.

Ключевые слова:

«Большой террор», Чечено-Ингушская АССР, репрессии, репрессивная политика, «тройка», национальная интеллигенция, хозяйственные руководители, аресты, трагические последствия, ссылки, расстрелы.

Denieva Makka Balaudinovna

Head of Research Department,
Chechen State Pedagogical Institute

Dikieva Petimat Elbeckovna

Lecturer, History Department,
Chechen State Pedagogical Institute

**“THE GREAT TERROR”
IN THE CHECHEN-INGUSH REPUBLIC
IN THE SECOND HALF OF THE 1930-S**

Summary:

The article studies the tragic consequences of Stalin's repressive policy “The great terror” in the Chechen-Ingush ASSR. In 1937-1938 the Chechen-Ingush leaders of party and Soviet authorities, famous workers of culture and science, engineers and technicians were persecuted by the Stalin's totalitarian regime. Thus, a majority of the political elite and national intelligence, the heads of large industrial enterprises were annihilated. Many prominent Muslim leaders and prosperous peasants shared the same fate. These pages of the Soviet Chechen-Ingush Republic history have been still poorly studied.

Keywords:

“The great terror”, Chechen-Ingush ASSR, repression, repressive policy, “three”, national intelligence, economic managers, arrests, tragic consequences, exiles, executions.

В советской истории период массовых репрессий и политических преследований 1937–1938 гг. получил название «Большого террора». Эта кровавая кампания, основная цель которой состояла в физическом уничтожении всех партийных, государственных деятелей, военачальников, представителей научной, творческой, технической интеллигенции, хозяйственной номенклатуры, попавших под малейшее подозрение Сталина и его ближайшего окружения, нанесла колоссальный ущерб советскому государству. Ее последствия явились одной из причин крупных неудач Советского Союза в начальный период фашистской агрессии.

Под «жернова» большой политики, борьбы с «инакомыслием» попали многие народы СССР. Судьба большинства из них была трагична. Ликвидировались целые слои общества, не вписывавшиеся в воспитание новой личности – строителя коммунизма.

В Чечено-Ингушетии, как и во всей советской стране, проходил процесс «чистки» советского и партийного аппаратов, деятелей культуры, литературы, науки и т. д. Аппарат насилия в 1937–1939 гг. заработал в полную силу. В республике начались массовые репрессии. Их пик пришелся на период 1937–1939 гг. [1].

Архивные документы свидетельствуют, что с 27 февраля 1937 г. по 12 ноября 1938 г. НКВД СССР получил от И. Сталина и некоторых других членов Политбюро ЦК ВКП (б) санкцию на осуждение Военной коллегией Верховного суда СССР 38 679 человек, из них 16 606 в 1937 г. и 22 073 в 1938 г. Такая санкция давалась, как правило, в отношении руководящих работников партийных, советских, комсомольских и профсоюзных органов, а также наркомов и их заместителей, крупных хозяйственных руководителей, видных военачальников, писателей, руководящих деятелей культуры и искусства [2].

В начале июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП (б), обсудив вопрос «Об антисоветских элементах», утвердило «тройки», в том числе и по Чечено-Ингушской АССР в составе Егорова, Вахаева, Дементьева. При этом было установлено количество намеченных: а) к расстрелу: кулаков – 862, уголовников – 555; б) к высылке: кулаков – 730, уголовников – 526 [3].

Так, в октябре 1937 г. было арестовано 30 из 76 членов и кандидатов в члены Чечено-Ингушского обкома ВКП (б), 20 из 28 секретарей райкомов партии, 77 членов райкомов партии [4], 192 руководящих работника сельских районов, а также руководители крупнейших промышленных предприятий Грозного.

Арестовали и А. Авторханова, в то время партийного и советского работника Чечено-Ингушетии. Окончив Грозненский рабфак в 20-х гг., он руководил Грозненским педагогическим техникумом, был заведующим Чеченским областным отделом народного образования, работал в Чеченском обкоме партии. Получив высшее образование в Институте красной профессуры, А. Авторханов работал в аппарате ЦК ВКП (б). В 30-е гг. он опубликовал работы по истории Чечни, в том числе и брошюру «Революция и контрреволюция в Чечне». В 1937 г. был арестован по делу о «чеченском буржуазно-националистическом центре», несмотря на то что в то время не жил в Чечено-Ингушетии, а работал преподавателем Московского педагогического института им. А. Бубнова.

Верховным судом ЧИАССР А. Авторханов был оправдан. Бывший председатель Верховного суда ЧИАССР З.Г. Мусаев, аварец по национальности, впоследствии писал, что в «физическом уничтожении этого способного и редкого в то время в ЧИАССР человека были заинтересованы не только органы КГБ, но и обком партии, где была рекомендация об избрании его первым секретарем после окончания Института красной профессуры и получения степени кандидата исторических наук» [5].

В скором времени практически вся чеченская интеллигенция оказалась под ударом. Достаточно сказать, что из 12 членов Чечено-Ингушского союза писателей были арестованы 9, осуждены 7, четверо из них – С. Бадуев, А. Дудаев, Ш. Айсханов, С. Озиев – приговорены к расстрелу. Крупные чеченские писатели (Халид Ошаев, Магомед Мамакаев и Арби Мамакаев) получили длительные сроки заключения.

В 1938 г. сняты с работы почти все заведующие земельными отделами районных органов власти Чечено-Ингушетии: 14 директоров машинно-тракторных станций из 18; 19 председателей райисполкомов; 22 секретаря районных комитетов ВКП (б). В 1939 г. происходит новая волна репрессий, затронувшая 21 председателя райисполкомов, всех заведующих районными земельными отделами.

В числе пострадавших были высшие партийные и советские работники Чечено-Ингушетии, например: Абдул-Халим Саламов, Абдул Вагап Тепсаев, Саид Казалиев и другие. В 1938 г. репрессирован и А. Мутушев, посмертно реабилитированный только в сентябре 1971 г. [6].

Очень скоро среди жертв репрессий оказались и те, кто сам еще недавно арестовывал и судил «врагов народа». Например, председатель облисполкома А.И. Горчханов и второй секретарь обкома Х. Вахаев были членами «тройки», осудившей большое количество кулаков. Тогда же погиб Г.Г. Крафт, долгое время возглавлявший чеченское ГПУ.

Среди жителей Грозного упорно держался слух, что глава местных карателей стал жертвой собственного служебного рвения. В разгар одной из операций, когда в подвале НКВД каждую ночь расстреливали десятки человек, в Грозный инкогнито прибыл проверяющий из центрального аппарата НКВД. Пройдя пешком от железнодорожного вокзала до здания НКВД на улице Московской, проверяющий некоторое время стоял на тротуаре, напротив окон Генриха Крафта, который, обратив внимание на показавшийся ему подозрительным субъект, приказал арестовать его и поместить в одну из камер. В ту же ночь была расстреляна большая группа заключенных. Тела укладывали в кузов грузового автомобиля, по 14 трупов на машину, и вывозили за город в Тыртову рощу, где были подготовлены братские могилы. Когда в последней машине оказались «свободные места», Крафт приказал расстрелять дополнительно еще несколько человек, среди которых оказался проверяющий из Москвы. О своей ошибке Крафт узнал только на следующий день, когда удосужился, наконец, заглянуть в документы расстрелянного ночью незнакомца. Еще через несколько дней в Грозный приехала небольшая группа «товарищей» из Москвы, которая сразу же заперлась с Г. Крафтом в его служебном кабинете. Вскоре за дверь раздался выстрел и работникам чечено-ингушского НКВД объявили, что их шеф покончил жизнь самоубийством.

Вполне вероятно, что история гибели Г. Крафта выдумана от начала до конца. Но официально подтверждено, что в 1937–1940 гг. были расстреляны два бывших наркома внутренних дел Чечено-Ингушетии, некие Раев и Иванов. Еще несколько сотрудников НКВД были осуждены [7].

В период с 1934 по 1937 гг. из состава Чечено-Ингушской областной организации ВКП (б) было исключено свыше 3 500 человек. В 1937 и в начале 1938 гг. партийных билетов лишились еще 822 человека, из которых 280 были объявлены «троцкистами» и «врагами народа».

Не только вся страна, но и правящая коммунистическая партия находились в это время на чрезвычайном положении. Демократические нормы, закрепленные в Конституции СССР и в партийном Уставе, грубо попирались высшим партийным руководством как в центре страны, так и в провинциях. Важнейшие решения принимались единолично высшими чиновниками, а деятельность выборных и представительных органов превратилась в фикцию. Например, пленум Чечено-Ингушского обкома ВКП (б) собирался в 1936 г. два раза. Назначение в состав партийных и советских органов происходило чаще не путем выборов, а методом «кооптации». Это было чрезвычайно удобно для первых руководителей, которые таким нехитрым способом пополняли государственный и партийный аппарат своими сторонниками, в том числе и по национальному признаку. Даже в ЦК ВКП (б) признавали, что высшие партработники Грозного и ЧИАССР заражены «великодержавным шовинизмом».

Часто поводом для политических обвинений служили интересы «национальных» группировок, сложившихся в государственном аппарате. Так, о многом говорит тот факт, что в октябре 1937 г. были репрессированы все без исключения чеченцы и ингуши, работавшие в Чечено-Ингушском обкоме ВКП (б).

Следует сказать, что против всех арестованных по политическим статьям широко применялись пытки, официально разрешенные как меры «физического воздействия». Так, в письме И.В. Сталина, разосланном в высшие партийные органы на местах, говорилось: «ЦК ВКП (б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 г. с разрешения ЦК ВКП (б)» [8].

В связи с уничтожением в результате военных действий в 1994–2000 гг. архивов бывших МВД, КГБ ЧИАССР установить точное число жертв репрессий политики Сталина и его команды не представляется возможным. В ранее опубликованных работах даются противоречивые данные. Так, в книге «Живая память. О жертвах сталинских репрессий», изданной в 1991 г., приводятся следующие данные: с конца 20-х и на протяжении 30-х гг. было репрессировано 50 тыс. чеченцев, 10 тыс. ингушей и тысячи людей других национальностей. По другим данным, только с середины 1936 г. и до конца 1938 г. в Чечено-Ингушетии было арестовано до 80 тыс. человек.

Чтобы скрыть свои преступления, Сталин и его команда создавали видимость недовольства допускаемыми органами НКВД актами насилия и репрессий над коммунистами и беспартийными. Пленум ЦК ВКП (б) в январе 1938 г. обсудил вопрос «Об ошибках парторганизаций при исключении из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляции исключенных из ВКП (б) и о мерах по устранению этих недостатков» и принял специальное решение. В нем осуждалось допускавшееся ранее огульное исключение из партии и выражалось требование привлекать к строгой партийной ответственности лиц, виновных в клевете на частных людей. Однако это решение не изменило хода политики репрессий в стране, которая продолжалась, хотя и не в обширных масштабах, вплоть до смерти Сталина в начале марта 1953 г. и ареста Берии в июне того же года [9].

В целом «Большой террор» 30-х гг., затронувший значительную часть чеченской национальной интеллигенции и партийно-советской номенклатуры, ослабил государственный аппарат, подорвал авторитет советской власти и партии. Кроме всего, репрессии способствовали постоянному пополнению антисоветских групп, скрывавшихся в горных районах, и даже существенно изменили их состав и идеологические установки. Вообще «кадровый бандитизм» 20–30-х гг. в Чечне являлся продолжением традиций абречества, которое в новых условиях приобрело антисоветский характер. Если ранее в его рядах преобладали противники советской власти из числа религиозных деятелей, кулаков и других «антисоветских элементов», то со второй половины 30-х гг. становится заметным присутствие бывших партийных и советских работников, ставших жертвами политических репрессий [10].

Коммунист Хасан Исраилов активно участвовал в межпартийной борьбе 30-х гг. Ряд критических публикаций в адрес руководства Чеченской АО послужили поводом к его первому аресту. Позднее он был вновь арестован, уже за критику в адрес руководящих работников Чечено-Ингушской АССР, и вскоре после освобождения (не дожидаясь следующего ареста) перешел на нелегальное положение.

В горных районах Чечено-Ингушетии постоянно действовало несколько десятков обычных уголовных банд и антисоветских группировок политического характера. За девять месяцев (с октября 1937 г. по июль 1938 г.), согласно докладом органов НКВД, в Чечено-Ингушетии были уничтожены 82 «группировки», насчитывавшие до 400 участников. Тем не менее, по их же данным, в розыске оставалось еще 2 262 человека, в том числе 76 «кадровых бандитов» [11].

В течение одного только 1938 г. в Чечено-Ингушетии было зафиксировано 98 нападений, которые, будучи даже проявлением кровной мести, охотно квалифицировались органами НКВД как

акции «политического бандитизма». В ходе этих нападений погибло 49 местных партийных и советских работников и, кроме того, был нанесен существенный ущерб государственной собственности. С декабря 1937 г. по май 1938 г. в Чечено-Ингушетии традиционно было изъято 3 348 винтовок, 2 496 револьверов и пистолетов, прочего нарезного оружия (кремневые винтовки времен Шамиля) – 1 534, гладкоствольного оружия (включая охотничьи ружья, абсолютно необходимые в пастушеском хозяйстве горцев) – 3 411, а также 4 пулемета, включая один ручной [12].

Репрессии 30-х гг. оставили неизгладимый шрам в истории всей страны, в том числе и Чечено-Ингушетии.

Ссылки:

1. История Чечни с древнейших времен до наших дней : в 2 т. Т. II. История Чечни XX и начало XXI веков. Грозный, 2008. С. 456.
2. Бугаев А.М. Советская автономия Чечни – Чечено-Ингушетии: очерки истории становления и развития. Грозный, 2012. С. 59–60.
3. Там же. С. 60–61.
4. См.: Ибрагимов М.М. Власть и общество в годы Великой Отечественной войны (на примере национальных республик Северного Кавказа) : монография. М., 1998. С. 126–127.
5. История Чечни с древнейших времен до наших дней : в 2 т. Т. II. С. 456–457.
6. Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. История Чечни в XIX–XX веках. Т. II. М., 2005. С. 724–725.
7. Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. II. М., 2001. С. 143–144.
8. Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. Указ. соч. С. 725–726.
9. История Чечни с древнейших времен до наших дней : в 2 т. Т. II. С. 459.
10. Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. Указ. соч. С. 727.
11. Там же.
12. Там же. С. 728.

References:

1. *Chechen history from ancient times to the present day: in 2 vols.* 2008, vol. II. History of Chechnya XX and the beginning of the XXI century, Grozny, p. 456.
2. Bugaev, AM 2012, *Soviet autonomy Chechnya - Chechen-Ingushetia: Essays on the history and development*, Grozny, p. 59-60.
3. Bugaev, AM 2012, *Soviet autonomy Chechnya - Chechen-Ingushetia: Essays on the history and development*, Grozny, p. 60-61.
4. See: Ibragimov, MM 1998, *Government and society in the years of the Great Patriotic War (for example, national republics of the North Caucasus): monograph*, Moscow, p. 126-127.
5. *Chechen history from ancient times to the present day: in 2 vols.* 2008, vol. II. History of Chechnya XX and the beginning of the XXI century, Grozny, p. 456-457.
6. Akhmadov, YZ & Khasmagomadov, EH 2005, *History of Chechnya in the XIX-XX centuries*, vol. II, Moscow, p. 724-725.
7. Sigauri, IM 2001, *Essays on the history and polity of the Chechens since ancient times*, vol. II, Moscow, p. 143-144.
8. Akhmadov, YZ & Khasmagomadov, EH 2005, *History of Chechnya in the XIX-XX centuries*, vol. II, Moscow, p. 725-726.
9. *Chechen history from ancient times to the present day: in 2 vols.* 2008, vol. II. History of Chechnya XX and the beginning of the XXI century, Grozny, p. 459.
10. Akhmadov, YZ & Khasmagomadov, EH 2005, *History of Chechnya in the XIX-XX centuries*, vol. II, Moscow, p. 727.
11. Akhmadov, YZ & Khasmagomadov, EH 2005, *History of Chechnya in the XIX-XX centuries*, vol. II, Moscow, p. 727.
12. Akhmadov, YZ & Khasmagomadov, EH 2005, *History of Chechnya in the XIX-XX centuries*, vol. II, Moscow, p. 728.